

ЭТНОСЫ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС ИЛИ АССИМИЛЯЦИЯ

В. В. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра
Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация)

Статья поступила в редакцию 25 августа 2025 г.

Для цитирования

Фаузер В. В. Этносы российского Севера и Арктики: демографический ренессанс или ассимиляция // Арктика: экология и экономика. — 2026. — Т. 16, № 1. — С. ?—?. — DOI: 10.25283/2223-4594-2026-1-?-?.

Российские Север и Арктика — родина уникальных народов, сумевших найти баланс между природой и средой жизнедеятельности, создать свою неповторимую культуру, пронести ее через века, пережить социально-экономические трансформации XX в. и вновь заявить о себе. Для формирования «Перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», чтобы 40 этносов получили исключительные права пользоваться исконной средой обитания, заниматься традиционными видами деятельности, потребовалось 80 лет (1926–2006 гг.). Демографическая динамика коренных этносов неоднозначна. Наряду с чисто демографическими факторами (рождаемость, смертность), существенное влияние на нее оказывает ассимиляция. Сложно сохранить свою идентичность, проживая в многонациональной среде более крупных этносов. В научный оборот вводится уникальная информация — распределение супружеских пар по национальной принадлежности супругов — основной фактор ассимиляции. По Всероссийской переписи населения 2021 г. на долю супружеских пар, где более 50% состоят в межнациональном браке, приходится 74,2%. Ставится цель оценить уровень ассимиляции и ее влияние на динамику коренных этносов.

Ключевые слова: Север и Арктика, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, динамика численности населения, ассимиляция, межэтническая брачность.

Введение

Заселение территории современной Арктики уходит корнями в глубокую историю. Никто точно не знает, откуда пришли первые люди, кто был предком современных этносов, проживавших на Крайнем Севере. «Антропологи и археологи уже давно работают, пытаясь пролить свет на это забытое прошлое. И у них многое получилось. Теперь большинство ученых считают, что наши далекие предки появились в Африке и оттуда заселили земной шар» [1, с. 14]. Но есть и другая точка зрения, которую приводит Ю. Ф. Лукин, — «исходя из полярной кон-

цепции происхождения народов России, следует, что не в Арктику пришли, а из Арктики вышли современные народы Земли» [2, с. 69].

Первое официальное выделение северных аборигенов России в определенные социальные группы было сделано в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.). Он был составлен М. М. Сперанским при участии Г. С. Батенькова [3, с. 263].

Устав разделял инородцев в рамках права Российской империи на «оседлых», «кочевых» и «бродячих» и, согласно этому делению, определял их административный и правовой статус. Так, к «оседлым инородцам» были отнесены главным образом сибирские татары; «бродячие инородцы» включали

ненцев, коряков, юкагир и другие охотничьи народы Северной Сибири; «кочевые инородцы» — буряты, якуты, эвенки, хакасы и др.¹

Описание аборигенных народов можно найти в материалах этнографических экспедиций, легендарной «Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) — команды П. Скобелевича»². Геодезисты «собирали материалы о численности и расселении народов (бурят, эвенков, якутов, коряков, юкагиров, камчадалов, эвенков), их хозяйственной деятельности и материальной культуре, промыслах, особенностях этнической пищи» [4, с. 188—189].

Коренные народы Крайнего Севера были в центре национальной политики молодого Советского государства. Так, 25 октября 1926 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров РСФСР был принят декрет «Об утверждении Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР»³. В нем был приведен «Перечень коренных туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», включающий 36 народностей, проживающих в семи регионах северных окраин.

Исследователи часто задают вопрос, почему в первых декретах советской власти коренные народы Севера стали именоваться «туземными народностями» (синонимы: коренные народы, дикие народы). Ответ можно найти у члена-корреспондента РАН Н. Б. Вахтина: «Традиционное понятие “народности Севера”, введенное в законодательство двумя декретами ЦИК и Совнаркома в 1925 и 1926 гг., является скорее метафорой, чем точным научным термином, — подобно “американским индейцам”, это словосочетание объединяет множество самых различных народностей, с различными (в прошлом) типами хозяйственной деятельности, различной материальной и духовной культурой, мифологией, языками. Антропологически коренные жители Севера представляют довольно далеко расходящиеся подтипы монголоидной расы; некоторые из них ближе по строению лица к американским индейцам» [5, с. 6].

В законодательстве Российской Федерации используются термины «коренные малочисленные народы» и «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока»⁴. Слова и выражения «аборигены» (лат. *aborigines*, *ab origine* «от нача-

ла»), «автохтоны», «туземцы», «коренное население» семантически близки к термину «коренные народы», однако в юридических документах и текущей практике не используются. В обиходе историков и этнографов по-прежнему в ходу главным образом термины «аборигены» и «коренные жители», очень редко «автохтоны» [6, с. 201].

Официального «Перечня коренных народов, проживающих в субъектах российской Арктики»⁵ нет, поскольку ее границы уже не раз пересматривались и дополнялись: в 2017 г. (Республика Карелия)⁶, в 2019 г. (Республика Саха (Якутия))⁷, в 2020 г. был утвержден федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (республики Карелия и Коми, Архангельская область и Красноярский край)⁸ и в 2024 г. (Ханты-Мансийский автономный округ (АО) — ХМАО). Включение в АЗРФ новых территорий автоматически ведет к увеличению числа этносов, их численности и ареалов проживания. На методических вопросах учета коренных этносов российской Арктики остановимся ниже.

Сегодня у коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) можно выделить ряд проблем: «...у одних групп — это проблемы сохранения этнического языка, у других — сохранение традиционных видов трудовой деятельности как основы жизнедеятельности этноса, у третьих стоят проблемы биологического и психологического самосохранения. Неизбежные и прогрессивные процессы в XX в. (индустриализации, урбанизации) поставили под угрозу существование многих народов Севера» [7, с. 88].

Ставится цель оценить влияние демографической ассимиляции (через распространенность межнациональных браков) на динамику численности КМНС. Информационной базой послужили материалы переписей населения советского и постсоветского периодов, данные федеральной, региональной и муниципальной статистики, литературные источники, интернет-ресурсы.

Степень изученности темы

Коренным народам и старожильческому населению российской и Мировой Арктики посвящено до-

¹ Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. — Т. 38. — № 29126. — С. 394—416.

² В литературе можно встретить такие названия: «Великая Северная экспедиция», «Сибирско-Тихоокеанская экспедиция», «Сибирская экспедиция».

³ «Декрет об утверждении Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин». — Утв. постановлением ВЦИК и СНК от 25 октября 1926 г. // СУ РСФСР. — 1926. — № 73. — Ст. 575.

⁴ В Конституции РФ в пункте «м», ч. 1, ст. 72 используется определение «малочисленные этнические общности».

⁵ Указ Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296.

⁶ Указ Президента РФ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 “О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации”» от 27 июня 2017 г. № 287.

⁷ Указ Президента РФ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 “О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации”» от 13 мая 2019 г. № 220.

⁸ Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ.

статочного много работ. В числе первых монографий можно отметить работу Ю. Ф. Лукина «Российская Арктика в изменяющемся мире». В ней автор отмечает: «Этнокультурный ландшафт Российской Арктики включает десятки больших и малых этносов Севера с их языком, культурой, исторической, цивилизационной связью времен; арктические артефакты, культурные универсалии, коммуникации, народное творчество, легенды и мифы, образ жизни, менталитет людей. Образ жизни северных этносов, в том числе и русских, несомненно, отличается от южных, хотя бы в силу сурового климата, выхода к побережью студёных морей СЛО, огромных просторов территории» [2, с. 63, 66].

В коллективной монографии 2014 г. «Российская Арктика: современная парадигма развития» целый раздел посвящен «проблемам и перспективам социально-экономического развития коренных сообществ Севера и Арктики» [8]. В том же году в Якутске вышел первый выпуск серии монографий «Культура Арктики», где применен цивилизационный подход к развитию коренных народов: «С точки зрения техногенной цивилизации и человека арктические народы не только удержали за человечеством уникальный плацдарм среды обитания человека, но и создали на нем культурное многообразие стратегий жизни в условиях экстремального холода и многолетнемерзлого грунта» [7, с. 163].

Познавательна монография о колонизации Арктики [9], которая породила конфликт интересов между коренными народами и ресурсными компаниями. Ее авторы отмечают: «Северные широты населены коренными народностями, которые были колонизированы более многочисленными нациями, пришедшими с юга и запада. Сегодня коренные народности являются малочисленными народностями в составе более крупных государств. Коренные народы, живущие на севере, населяли тундру и бореальные леса/тайгу — территории, которые не были пригодны для ведения сельского хозяйства. Однако эти земли привлекают внимание своими природными ресурсами: ранее — пушиной и китовым жиром, позднее — древесиной, нефтью и газом, в наши дни — алмазами, нефтью и снова газом» [9, с. 18].

В 2017 г. вышел фундаментальный труд «Этнонациональные процессы в Арктике», где подчеркивается, что в международно-политическом дискурсе коренные народы Севера и Арктики представлены как «четвертый мир», а в отечественной науке они названы особой общностью «четвертого измерения», формирующей экологическую систему ценностей, а также «спасителями цивилизации» [10, с. 17].

Заслуживает внимания монография, посвященная коренному и старожильческому населению российской и Мировой Арктики [11]. Представляет интерес работа, где демографическое развитие северных этносов рассмотрено в цифровую эпоху [12]. Достаточно подробно, с углублением в мировую историю,

А. Эткинд показал «природу зла и влияния государства» на территории с богатыми природными ресурсами, ареалами проживания автохтонных народов Севера и Арктики» [13].

Нельзя не отметить работу Н. Б. Вахтина «Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации», где достаточно подробно освещены основные проблемы коренных народов Севера — от социально-экономических до демографических. Приводятся случаи нетерпимости к коренным народам, факт, который нанес вред имиджу КМНС, — кампания «коренизации»: руководителями районов, предприятий, колхозов в массовом порядке назначались только люди коренной национальности. Естественно, что не все они имели соответствующие таланты. На основании результатов этой кампании был сделан лицемерный вывод о якобы полной неспособности представителей малочисленных народностей Севера к руководящей работе [5, с. 42—43].

В. Г. Логинов в авторской монографии посвятил КМНС главу «Коренные малочисленные народы Севера как объект и субъект общественного воспроизводства». Автор отмечает: «В XX в. КМНС пережили три потрясения: коллективизацию и интернационализацию детского населения; транспортное и промышленное освоение; переход к рыночным отношениям». Он проводит глубокий анализ демографического развития и отмечает этносы — драйверы роста численности населения [14, с. 243, 254—266].

Обзор монографий был бы неполон, если не упомянуть фундаментальный труд «Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера» Ю. Л. Слезкина [15]. В ней достаточно подробно описано продвижение малых народов на Восток, их междоусобные войны, отношение государства к коренным этносам в разные исторические периоды.

Из научных статей стоит обратить внимание на работу О. А. Мурашко «Коренные народы Арктики и “народы Севера”: история, традиции, современные проблемы», опубликованную на страницах этого журнала в 2011 г. Автор раскрывает, чем отличалась политика русской колонизации от западноевропейской. Царское правительство рассматривало туземцев как источник ясака и оберегало их от произвола колонистов, а западноевропейцы видели в них конкурентов и претендентов на их собственные земли. В конце XIX — начале XX в. политика государства существенно изменилась. Для коренных народов начался новый этап принудительной культурной, экономической и демографической ассимиляции, большой вред нанесла политика «перевода на оседлость, а затем переселения населения из мелких “неперспективных” поселений в крупные» [16, с. 96, 98, 99].

Получить полноценную информацию о развитии коренных народов Севера и Арктики можно из специализированных журналов: «Арктика: экология и экономика», «Арктика и Север», «Арктика и Антарктика», «Проблемы Арктики и Антарктики», «АРКТИ-

КА 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения», «Мир коренных народов — Живая Арктика». Ряд журналов посвящает российской Арктике специальные тематические выпуски («Региональная экономика», ЭКО).

Нельзя не сказать об уникальном электронном ресурсе — Экспертном центре «Проектный офис развития Арктики» (ЭЦ ПОРА), созданном 7 декабря 2017 г. Перед ним стоят амбициозные задачи по повышению уровня знаний граждан нашей великой страны об уникальной и неповторимой Арктике. Направления деятельности ЭЦ ПОРА многогранны и обширны, также как и сама Арктика, и связаны с социальными, экономическими и экологическими аспектами жизнедеятельности человека на севере нашей Родины.

Материалы (данные) и методы

Методологическую основу исследования составил принцип историзма, проблемно-хронологический метод позволил оценить состояние КМНС с начала XX в. до первой четверти XXI в., статистические и демографические методы позволили проследить демографическую динамику каждого из 40 этносов.

Наиболее достоверную информацию о численности коренных малочисленных народов России можно получить из периодически проводимых переписей населения. Проведению переписей населения по учету коренных народов предшествует ряд процедур. Во-первых, необходим Единый перечень коренных малочисленных народов России/Севера, по существующей практике его определяет Правительство РФ (ранее СССР). Законодатель определяет: собственно единый перечень этносов, относимых к коренным малочисленным народам, и территории, на которые распространяются установленные им льготы; список этносов, который попадет в разработку материалов переписей населения.

Выше отмечалось, что «Перечень коренных туземных народностей...» включал 36 этнонимов, а в разработку материалов первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. было включено 25 народностей Севера⁹. В последующих переписях число учитываемых северных этносов постоянно менялось: в 1939 г. их было учтено 12, в 1959 г. — 21 этнос, в 1970—1979 гг. — 23 народности, в 1989 г. — 26, в 2002 г. — 30, в 2010 г. — 39 и в 2021 г. — 40 этносов. Как менялся состав этнонимов северных этносов, подробнее рассмотрено в [17, с. 294—297]. По поводу разного учета как народов России, так и отдельных его групп интересна позиция академика В. А. Тишкова: «...в России проживает один народ — российский, который имеет сложный этнический состав. А сколько из реально существующего этниче-

ского многообразия ученые, политики и активисты могут “сделать народов”, это вопрос открытый» [18].

Впервые на законодательном уровне «Перечень народностей Севера» из 26 этносов был закреплён в 1957 г. в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». В нем отмечается, что «на основе ленинской национальной политики нации и народности Крайнего Севера — якуты, коми, алеуты, долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, ороки (уйльта с 2010 г. — В. Ф.), орочи, саами, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юагиры достигли успехов в своем экономическом и культурном развитии»¹⁰. В это постановление наряду с 26 народностями попали две национальности — коми и якуты.

Исторический порядок в формировании «Единого перечня коренных малочисленных народов России» внесли два документа Правительства РФ: в 2000 г. был принят «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹¹, включающий 45 этносов (в 2008 г. в него вошли вдовь¹² и в 2010 г. сету (сето)¹³, доведя его до 47); в 2006 г. был сформирован «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»¹⁴, включающий 40 народностей. Эти два документа дополняют распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р, определяющее порядок их применения¹⁵.

Статистический «голод» возник в 2010 г., когда был прекращен выпуск бюллетеня «Экономические и социальные показатели районов проживания коренных малочисленных народов Севера», и остается уповать лишь на материалы переписей населения.

¹⁰ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 года № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714380>.

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2000. — № 14. — Ст. 1493.

¹² Введено постановлением Правительства РФ от 13 октября 2008 г. № 760.

¹³ Введено постановлением Правительства РФ от 17 июня 2010 г. № 453.

¹⁴ «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». — Утв. распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 536-р.

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 8 мая 2009 г. № 631-р (ред. от 6 мая 2024 г.).

⁹ Перечень народностей для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 года // Демоскоп Weekly. — 2006. — № 267-268. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arxiv05.php>.

Результаты и обсуждение

Проследить динамику КМНС можно с переписи населения 1926 г. Методически это выглядит следующим образом: за основу берется список из 40 этносов, и по ним собираются данные по всем переписям населения, итоги можно представить как по 26, так и по 40 этносам. В материалах переписи населения 1926 г. учтено 30 из 40 этносов, в 1939 г. — 14, в 1959 г. — 23, в 1970—1979 гг. — по 25, в 1989 г. — 28, в 2002—2010 гг. — по 39 и в 2021 г. — 40 этносов.

С 1926 по 2021 гг. численность КМНС из 26 этносов увеличилась с 135 013 до 220 770 человек, или на 163,5%, а из 40 этносов — с 192 275 до

262 615 человек, или на 136,6%. В анализируемый период все этносы демонстрировали разную демографическую динамику, по ней можно выделить пять групп, первая из 11 этносов постоянно демонстрировала рост численности, вторая из 13 этносов имела постоянную убыль, другие показывали разнонаправленную динамику [19, с. 294—296]. Динамика КМНС за 1926—2021 гг. представлена в табл. 1.

Два постановления (2000 и 2006 гг.) определили места компактного проживания КМНС [20, с. 13, 15]. Здесь следует отметить, что из 39 субъектов — мест проживания КМНС многие не входят в Север России, а тем более в Арктику. Расселение КМНС по

Таблица 1. Численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, переписи населения 1926—2021 гг., человек

Table 1. The number of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, population censuses of 1926—2021, people

Народность	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Алеуты	353	...	399	410	489	644	540	482	399
Алуторцы	—	97
Вепсы	32 784	31 449	16 170	8 057	7 550	12 142	8 240	5 936	4 687
Долганы	656	4 718	4 911	6 584	7 261	7 885	8 182
Ительмены	1 096	1 255	1 335	2 429	3 180	3 193	2 622
Камчадалы	4 217	2293	1927	1564
Кереки	8	4	23
Кеты	1 428	...	1 017	1 161	1 072	1 084	1 494	1 219	1 096
Коряки	7 438	7 339	6 168	7 367	7 637	8 942	8 743	7 953	7 498
Кумандинцы	6 335	3 114	2 892	2 456
Манси	5 754	6 295	6 318	7 609	7 434	8 279	11 432	12 269	12 308
Нанайцы	5 860	8 411	7 919	9 911	10 357	11 883	12 160	12 003	11 668
Нганасаны	721	823	842	1262	834	862	693
Негидальцы	683	495	477	587	567	513	483
Ненцы	17 560	24 716	22 845	28 487	29 487	34 190	41 302	44 640	49 787
Нивхи	4 076	3857	3 690	4 356	4 366	4 631	5 162	4 652	3 863
Ороки [в 2002 г. ульта (ороки), 2010—2021 гг. Уйльта]	162	179	346	295	269
Орочи	646	...	779	1037	1040	883	686	596	530
Саами	1 717	1 829	1 760	1 836	1 775	1 835	1 991	1 771	1 550
Селькупы	1 630	2 604	3 704	4 249	3 518	3 564	4 249	3 649	3 491
Сойоты	229	2 769	3 608	4 380
Теленгиты	3 415	2 399	3 712	2 916
Тазы	276	274	236

Окончание табл. 1

Народность	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Телеуты	1 898	2 650	2 643	2 241
Тофалары	2 829	...	476	570	576	722	837	762	721
Тубалары	1 565	1 965	3 675
Тувинцы-тоджинцы	4 442	1 858	7 293
Удэгейцы	1 357	1 701	1 395	1 396	1 431	1 902	1 657	1 496	1 328
Ульчи	723	...	2 049	2 410	2 494	3 173	2 913	2 765	2 481
Ханты	22 306	18 447	19 246	21 007	20 743	22 283	28 678	30 943	31 600
Челканцы	855	1 181	1 314
Чуванцы	704	1 384	1 087	1 002	903
Чукчи	12 331	13 830	11 680	13 500	13 937	15 107	15 767	15 908	16 228
Чулымцы	656	355	382
Шорцы	12 601	16 044	14 938	15 950	15 182	15 745	13 975	12 888	10 581
Эвенки	38 804	29 599	24 583	25 051	27 278	29 901	35 527	38 396	39 420
Эвены	2 044	9 675	9 023	11 819	12 215	17 055	19 071	21 830	19 975
Энцы	198	237	227	203
Эскимосы	1 292	...	1 111	1 265	1 460	1 704	1 750	1 738	1 659
Юкагиры	443	...	440	593	801	1 112	1 509	1 603	1 813
Прочие народы Севера	...	11 824
Все 40 КМНС	192 275	187 620	157 527	175 332	178 407	209 404	252 222	257 895	262 615
Из них 26 КМНС	135 013	128 303	126 419	151 325	155 675	181 517	208 980	218 652	220 770

Примечание. Применены обозначения, используемые Росстатом: многоточие (...) — явление было, но сведения отсутствуют; тире (—) — явление отсутствует.

Note. The notation used by Rosstat has been applied: ellipsis (...) — there was a phenomenon, but there is no information; dash (—) — there is no phenomenon.

Источники: 1926—2010 гг. — Демоскоп Weekly: официальный сайт. — URL: https://web.archive.org/web/20220217094243/http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6; 2021 г. — Итоги ВПН-2020. — Т. 5: Национальный состав и владение языками, табл. 17. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.

Sources: 1926—2010 — Demoscope Weekly: official website. https://web.archive.org/web/20220217094243/http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6; 2021 — Results of the VPN2020. Vol. 5. National composition and language proficiency, table 17. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.

регионам российского Севера с переписи населения 1989 по 2021 гг. представлено в табл. 2.

Рассмотрим расселение КМНС в координатах переписи населения 2021 г. Согласно им основная часть коренных этносов проживает на своей этнической родине — 73,7%, на прилегающих, северных территориях — 13,5%, оставшиеся — либо на северных — 4,7%, либо на территориях за пределами северных регионов — 8,1%. Среди субъектов рос-

сийского Севера наибольшую долю проживающих коренных малочисленных народов Севера имеют Чукотский АО (ЧАО) — 36,3%, Ненецкий АО (НАО) — 18,0% и Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО) — 11,9% указавших национальную принадлежность. Доля КМНС, проживающих на российском Севере, увеличилась с 59,3% в 1959 г. до 67,8% в 2021г., а их численность выросла с 93 411 до 177 064 человек, или рост составил 189,6%, тогда как рост численности

Таблица 2. Регионы российского Севера, где проживают КМНС, переписи населения 1989—2021 гг.
Table 2. Regions of the Russian North where Indigenous peoples live, 1989—2021 population censuses

Регион 1989 г.	Регион 2002 г.	Регион 2010 г.	Регион 2021 г.	КМНС — 2021 г.
Карельская АССР	Республика Карелия	Республика Карелия	Республика Карелия	Вепсы
Коми АССР	Республика Коми	Республика Коми	Республика Коми	Манси, ненцы, ханты
Якутская АССР	Республика Саха (Якутия)	Республика Саха (Якутия)	Республика Саха (Якутия)	Долганы, чукчи, эвенки, юкагиры
Тувинская АССР	Республика Тыва	Республика Тыва	Республика Тыва	Тувинцы-тоджинцы
Архангельская область	Архангельская область	Архангельская область	Архангельская область	Ненцы
В том числе Ненецкий АО	В том числе Ненецкий АО	В том числе Ненецкий АО	В том числе Ненецкий АО	Ненцы
Магаданская область	Магаданская область	Магаданская область	Магаданская область	Ительмены, камчадалы, коряки, орочи, чуванцы, эвены, юкагиры
В том числе Чукотский АО	С 17 июня 1992 г. субъект Российской Федерации			Кереки, коряки, чуванцы, чукчи, эвены, эскимосы, юкагиры
Мурманская область	Мурманская область	Мурманская область	Мурманская область	Саамы
Камчатская область	Камчатская область	Камчатский край	Камчатский край	Алеуты, алюторцы, ительмены, камчадалы, коряки, чукчи, эвены, эскимосы
В том числе Корякский АО	В том числе Корякский АО	С 1 июля 2007 г. округ Камчатского края		
Сахалинская область	Сахалинская область	Сахалинская область	Сахалинская область	Нанайцы, нивхи, уйльта, эвенки
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	С 1 января 2007 г. район Красноярского края		
Ханты-Мансийский АО	Ханты-Мансийский АО	Ханты-Мансийский АО — Югра	Ханты-Мансийский АО — Югра	Манси, ненцы, ханты
Эвенкийский АО	Эвенкийский АО	С 1 января 2007 г. район Красноярского края		
Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ненцы, селькупы, ханты

населения российского Севера — 141,9%. Более всего КМНС проживает на Азиатском Севере — 93,6%, в том числе в ЯНАО — 27,2%, в Республике Саха (Якутия) — 23,4%; меньше — на Европейском Севере — 6,4%, в том числе в Республике Коми — 0,2%, в Мурманской области — 0,8%.

Также можно отметить, что в 20 из 294 муниципальных образований доля коренных мало-

численных народов превышает половину общей численности населения. Лидируют Тере-Хольский муниципальный район Тывы (тувинцы-тоджинцы — 92,4% указавших национальность), Оленёкский эвенкийский национальный муниципальный район Якутии (эвенки, 83,5%), Чукотский муниципальный район ЧАО (чукчи, 82,3%), Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) муниципальный район

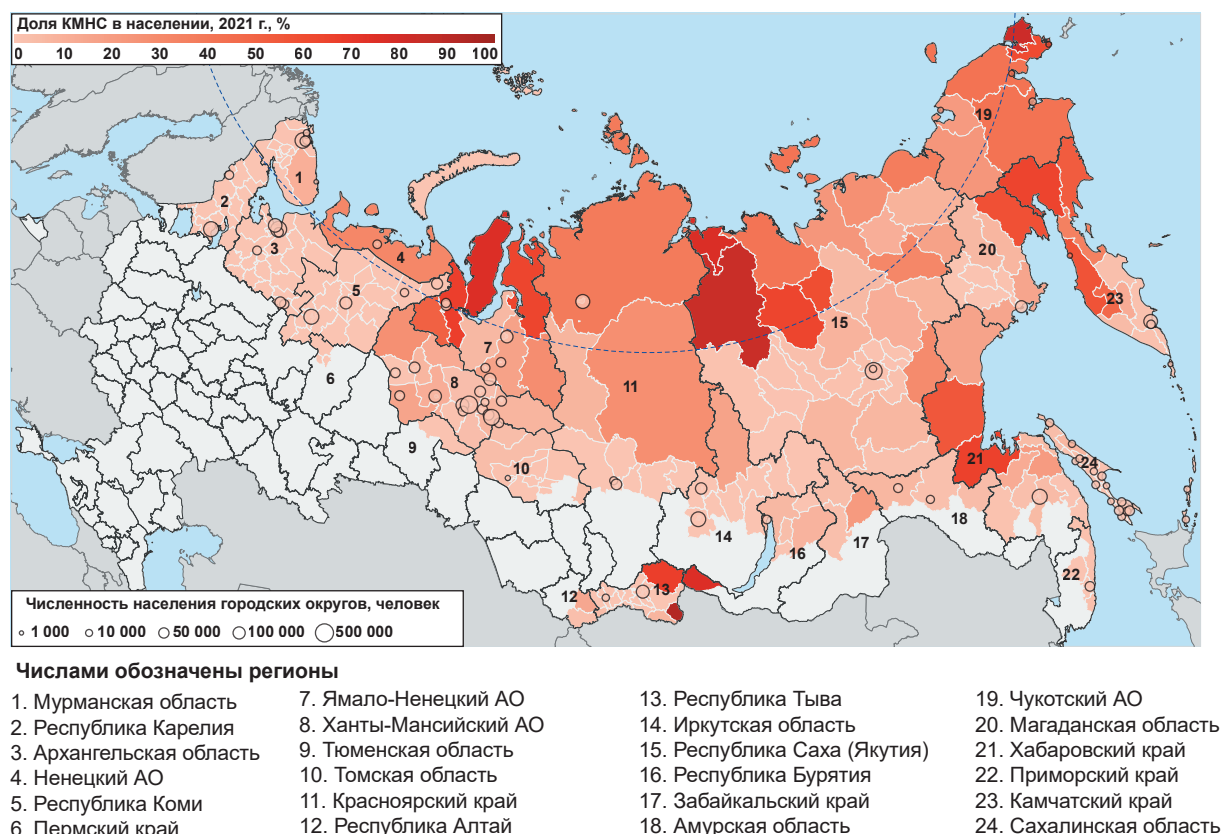

Рис. 1. Удельный вес КМНС в населении муниципальных образований Севера России, перепись населения 2021 г.
Fig. 1. Share of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East in the population of municipalities in the North of Russia, 2021 population census

Якутии (долганы, 76,4%), Окинский муниципальный район Бурятии (сойоты, 75,6%) и Ямальский район ЯНАО (ненцы, 75,4%) (рис. 1).

Распределение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по национальной принадлежности супругов. На динамику численности КМНС наряду с демографическими факторами существенное влияние оказывают не демографические факторы (ассимиляция, отличие самоназвания от официального названия, проблема суицида, климат, образование). Остановимся лишь на одном — ассимиляции. Д. Д. Богоявленский отмечает, что «...народы Севера ассимилировались, главным образом, русскими, а в Якутии — якутами. В 1960-е гг. «ассимиляционные потери» составляли около 12% естественного прироста народов Севера, в 1970-х гг. они составили около 70% сильно уменьшившегося естественного прироста, а в 1980-х — снова около 12%» [21].

По проблеме ассимиляции много информации содержится в монографии В. Г. Логинова. Он выделил ряд важных проблем: женщины коренной национальности предпочитают заключать браки с представителями других национальностей; в настоящее время этнически чистыми остаются только семьи кочевого населения и мононациональных

населенных пунктов; в этнически смешанных семьях, как правило, жена является представителем коренной национальности — носителем культуры своего народа. Позитивными моментами заключения смешанных браков являются, во-первых, то, что подрастающее поколение быстрее адаптируется к изменившимся условиям жизни и к работе в нетрадиционных отраслях хозяйства, а во-вторых, естественно идущий процесс метисации коренного населения способствует омоложению северных популяций [22, с. 67—68].

По ассимиляции В. А. Тураев приводит такие данные: «Число этнически смешанных семей растет у аборигенов с середины 1970-х гг. У эвенков Амурской области в 1975—2002 гг. их доля увеличилась с 10,7 до 56,7%. В Хабаровском крае такие семьи в начале 2000-х гг. преобладали в 8 эвенкийских селах из 12. В Верхнебуреинском районе в 1990-е гг. вообще не было ни одного однонационального брака. У нанайцев к середине 1990-х гг. этнически смешанные семьи составляли 63%, у орочей — 90%, у амурских нивхов в 1998—2002 гг. — 84,8%, у сахалинских — 71,4%» [23, с. 154—156].

Административное влияние учета КМНС отмечал В. В. Степанов. Он привел причины, по которым отдельные этносы не были указаны в переписях, а были

учтены в составе других народов. «Происходило это не только потому, что этническая идентичность людей изменчива, или потому, что менялись взгляды специалистов на проблему, но также из-за политических пристрастий властей. За годы советских переписей список этнических групп был сокращен не столько как отражение результатов естественной ассимиляции, сколько в угоду пропагандируемому тезису о «слиянии социалистических наций» [24].

Можно предположить, что в настоящее время ассимиляция еще выше, так как закрытие этнических поселений и переселение коренных этносов в русские поселения только увеличило число смешанных браков. Любой народ, проживающий в среде более крупного этноса, подвергается ощутимой ассимиляционной эрозии, что является одной из причин их «относительного» уменьшения, избежать этого невозможно.

В нашем распоряжении имеется уникальная информация по коренным малочисленным народам

Российской Федерации: «Распределение супружеских пар по национальной принадлежности супругов» (получена по запросу в Росстат). Чтобы представить информацию по 40 коренным этносам в читаемом/наглядном виде, мы сгруппировали их по численности в пять групп: 1) 8 этносов, численность которых превышает 10 тыс. человек, 2) 8 этносов — численность от 3 до 10 тыс., 3) 9 этносов — от 1,5 до 3 тыс., 4) 7 этносов — от 500 до 1,5 тыс., 5) 8 этносов — численность до 500 человек. Первая группа — самая многочисленная, она включает 191 567 человек, или 72,9% всех 40 КМНС. Вторая группа намного меньше — 43 069 человек, или 16,4%, третья насчитывает 19 302, или 7,4%, четвертая — 6585 человек, или 2,5%, пятая группа включает 2092 человека, или 0,8%.

В статье приведены данные по первой группе КМНС (табл. 3). В этой группе из восьми этносов четыре состоят преимущественно в однонациональном браке (%): ненцы — 70,0, шорцы — 56,5, на-

Таблица 3. Распределение супружеских пар КМНС с численностью свыше 10 тыс. человек по национальной принадлежности супругов, Россия, перепись населения 2021 г.

Table 3. Distribution of married couples of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East with a population of over 10 thousand people by nationality of spouses, Russia, 2021 population census

Показатель	Супружеские пары, где супруга указала национальность	В том числе национальность супруги							
		манси	нанайцы	ненцы	ханты	чукчи	шорцы	эвенки	эвены (ламуты)
Всего супружеских пар	23 071 061	2 015	1 832	7 600	5 060	2 244	1 854	6 292	3 147
Супружеские пары, где супруг указал национальность:	22 912 982	1 997	1 820	7 562	5 020	2 236	1 845	6 263	3 133
манси	1 459	415	—	21	89	—	—	1	—
нанайцы	1 465	—	965	—	—	2	—	15	3
ненцы	6 141	24	—	5 286	145	1	—	1	2
ханты	3 773	86	—	185	2 021	2	—	—	—
чукчи	1 621	1	2	2	1	1 158	—	3	81
шорцы	1 710	—	—	—	1	—	1 041	1	—
эвенки	4 853	1	10	5	5	—	1	2 265	149
эвены (ламуты)	2 434	—	1	1	—	86	—	118	905
Супружеские пары в:									
однонациональном браке	21 083 933	419	966	5 293	2 030	1 158	1 042	2 276	907
межнациональном браке	1 829 049	1 578	854	2 269	2 990	1 078	803	3 987	2 226
однонациональном браке, %	92,02	20,98	53,08	69,99	40,44	51,79	56,48	36,34	28,95
межнациональном браке, %	7,98	79,02	46,92	30,01	59,56	48,21	43,52	63,66	71,05

Источник. Официальный ответ Росстата от 11 февраля 2025 г. с предоставлением информации.

Source. The official response of Rosstat dated February 11, 2025, with the provision of information.

Таблица 4. Супружеские пары Ханты-Мансийского АО, состоящие в браке, по национальной принадлежности супругов (манси, ханты), перепись населения 2021 г.

Table 4. Married couples of the Khanty-Mansi Autonomous Area, by nationality of spouses (Mansi, Khanty), 2021 population census

Показатель	Всего в РФ — ханты и манси	ХМАО — ханты и манси	ХМАО — ханты	ХМАО — манси	РФ (без ХМАО)	РФ (без ХМАО) ханты	РФ (без ХМАО) манси
Супружеские пары, где супруги указали национальную принадлежность	7 017	4 739	2 956	1 783	2 278	2 064	214
Супружеские пары в:							
однациональном браке	2 449	1 408	1 006	402	1 041	1 024	17
межнациональном браке	4 568	3 331	1 950	1 381	1 237	1 040	197
однациональном браке, %	34,90	29,71	34,03	22,55	45,70	49,61	7,94
межнациональном браке, %	65,10	70,29	65,97	77,45	54,30	50,39	92,06

Источник. Официальный ответ Росстата от 11 февраля 2025 г. с предоставлением информации.

Source. The official response of Rosstat dated February 11, 2025 with the provision of information.

найцы — 53,1 и чукчи — 51,8. Четыре этноса состоят преимущественно в межнациональном браке (%): манси — 79,0, эвены (ламуты) — 71,1, эвенки — 63,7 и ханты — 59,6.

Во второй группе также представлены восемь этносов, имеющих численность населения от 3 до 10 тыс. человек. Три этноса состоят преимущественно в однациональном браке (%): тувинцы-тоджинцы — 97,8 (особая этническая группа тувинцев, компактно проживающая в Тоджинском и Тере-Хольском кожуунах), сойоты — 83,4 и долганы — 55,8. Пять этносов состоят преимущественно в межнациональном браке (%): вепсы — 75,2, нивхи — 71,7, селькупы — 68,9, коряки — 63,2 и тубалары — 58,5. Опишем, с кем состоят в браке коряки: эвены (ламуты) — 35 супружеских пар, чукчи — 31, ительмены — 29, алюторцы — 4, эвенки — 2 и по 1 — алеуты, тофалары и нанайцы.

В третьей группе представлены девять этносов с численностью от 1,5 до 3 тыс. человек. Для этой группы, если этносы не имеют территории компактного проживания, трудно найти брачного партнера своей национальности. Из девяти этносов только два имеют высокий уровень однациональных браков (%): теленгиты — 89,3 и телеуты — 56,5.

В четвертой группе (от 500 до 1500 человек) только тофалары (50,4%) и челканцы (47,4%) имеют высокую долю однациональных браков. Другие этносы состоят в межнациональном браке (%): удэгейцы — 69,9, чуванцы — 80,9, орочи — 87,0, кеты — 76,3, нганасаны — 71,3 и челканцы — 52,6.

В пятой группе, самой малочисленной (до 500 человек), высокая доля однациональных браков отмечена только у кереков — 66,7%. Остальные этносы состоят в межнациональном браке (%): не-

гидальцы — 93,9, алеуты — 79,3, чулымцы — 68,2, ульта (ороки) — 83,3, тазы — 73,2, энцы — 78,6 и алюторцы — 69,2.

Этническая брачность в автономных округах и за их пределами. Хотя большая часть КМНС проживает на этнической родине, живут они и за ее пределами. Была выдвинута гипотеза, что доля однациональных супружеских пар в автономных округах будет выше, чем за их пределами, поскольку вероятность встретить брачного партнера своей национальности вне автономного округа резко уменьшается. Поэтому было сделано сравнение по этнической брачности КМНС, проживающих в автономных округах и за их пределами.

Рассмотрение супружеских пар ненцев, проживающих в двух АО и в России, показало, что доля однациональных браков в НАО составила 52,1%, в ЯНАО — 80,2% и за их пределами — 43,7%, т. е. у ненцев доля однациональных браков достаточно высока в округах. В ЧАО довольно высокий уровень однациональных браков — 58,7%, в то время как за его пределами — 22,9%.

В Ханты-Мансийском АО картина иная, здесь, наоборот, в отличие от ненцев, два этноса — ханты и манси — проживают в одном АО. Всего в ХМАО супружеских пар, где супруги указали национальность, — 7017, из них проживают в АО 67,5% и за пределами — 32,5%, из них ханты — 29,4% и манси — 3,1%. Ханты и манси в своем автономном округе демонстрируют высокую долю межнациональных браков — 66,0% и 77,5% соответственно. За пределами округа проживают 2278 супружеских пар, из них на хантов приходится 90,6% и на манси — 9,4%. Распределение супружеских пар по национальности супругов имеет разную направленность как у хантов

Таблица 5. Распределение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации по численности и доле межнациональных браков, перепись населения 2021 г.

Table 5. Distribution of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation by the number and proportion of interethnic marriages, 2021 population census

Националь- ность	Численность, человек	Доля межнацио- нальных браков, %	Националь- ность	Числен- ность, че- ловек	Доля межнацио- нальных браков, % *
Негидальцы	483	93,9	Алуторцы	97	69,2
Юагиры	1 813	87,1	Селькупы	3 491	68,9
Орочи	530	87,0	Чулымцы	382	68,2
Саамы	1 550	85,6	Эвенки	39 420	63,7
Уйльта (ороки)	269	83,3	Коряки	7 498	63,2
Ительмены	2 622	82,3	Ульчи	2 481	62,6
Камчадалы	1 564	82,2	Ханты	31 600	59,6
Чуванцы	903	80,9	Тубалары	3 675	58,5
Кумандинцы	2 456	80,5	Челканцы	1 314	52,6
Алеуты	399	79,3	Тофалары (тофа)	721	49,6
Манси	12 308	79,0	Чукчи	16 228	48,2
Энцы	203	78,6	Нанайцы	11 668	46,9
Кеты	1 096	76,3	Долганы	8 182	44,2
Эскимосы	1 659	75,5	Телеуты	2 241	43,5
Вепсы	4 687	75,2	Шорцы	10 581	43,5
Тазы	236	73,2	Кереки	23	33,3
Нивхи	3 863	71,7	Ненцы	49 787	30,0
Нганасаны	693	71,3	Сойоты	4 380	16,6
Эвены (ламуты)	19 975	71,1	Теленгиты	2 916	10,7
Удэгейцы	1 328	69,9	Тувинцы- тоджинцы	7 293	2,2

* Ранжировано по убыванию доли межнациональных браков.

и манси, так и в зависимости от расселения. Манси больше заключают межнациональных браков, в ХМАО их доля составляет 77,5%, а за пределами округа — 92,1%. Ханты демонстрируют отличительную от других этносов структуру брачности: если в АО доля однонациональных супружеских пар составляет 34,0%, то за его пределами — 49,6% (табл. 4).

Многие исследователи отмечали высокую долю межнациональных браков у КМНС, часть исследований указана в статье, упомянуть все просто невозможно из-за ограниченности объема статьи. Завершая исследование, приведем данные переписи населения 2021 г. о распространенности межнациональных браков у 40 КМНС (табл. 5).

Из приведенных в табл. 2 и 4 данных можно сделать следующие выводы: группа этносов, где доля

однонациональных браков составляет менее 50,0%, население проживают менее компактно (68,8% общей численности); в группе этносов, где доля однонациональных браков составляет более 50,0%, население проживает более компактно — 80,2% общей численности проживают в субъектах наибольшей их концентрации.

Заклучение

За период с 1926 по 2006 гг. был наведен «исторический порядок» — утвержден «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», включающий 40 этносов, определены 39 территорий их преимущественного проживания, на которые распространяются установленные льготы и преференции.

Анализ демографической динамики КМНС показал, что с 1989 по 2021 гг. только 11 этносов демонстрировали постоянный рост численности населения: долганы, манси, ненцы, сойоты, тубалары, ханты, челканцы, чукчи, эвенки и юкагиры. В эту группу 11 этносов мы условно включили алюторцев, которых в предыдущих переписях не учитывали как отдельный этнос, но по представлению ученых они имели восходящую динамику. В этой группе наибольший рост продемонстрировали юкагиры (163,0%), манси (148,7%), ненцы (145,6%) и ханты (141,8%). В этой же группе в 2002—2021 гг. увеличение имели тубалары (234,8%), сойоты (158,2%) и челканцы (153,7%). На эту группу приходится 64,3% общей численности КМНС, т. е. они определяют общую динамику численности населения.

Самая большая группа из 13 этносов демонстрировала постоянную убыль: алеуты, вепсы, камчадалы, коряки, кумандинцы, негидальцы, орочи, тазы, телеуты, удэгейцы, улчи, чуванцы и шорцы. Самое значительное уменьшение произошло у вепсов — 3553, шорцев — 3394 и коряков — 1245 человек.

По численности населения все КМНС могут быть распределены так: 11 этносов имеют численность более 5 тыс. человек, 17 этносов — от 1 до 5 тыс. и 12 этносов имеют численность менее 1 тыс. человек. Наиболее многочисленными коренными этносами являются: ненцы (49,8 тыс. человек), эвенки (39,4 тыс.), ханты (31,6 тыс.), эвены (ламуты) (20,0 тыс.), чукчи (16,2 тыс.), манси (12,3 тыс.), нанайцы (11,7 тыс.) и шорцы (10,6 тыс.). Самыми малочисленными в полном смысле этого слова стали алюторцы — 97 человек и керекы — 23 человека.

На демографическую динамику существенное влияние оказывает ассимиляция, о чем много написано в научной литературе. Действительно, разбалансированный брачный рынок по отдельным этносам (пол, возраст, расселение) ведет к межнациональным бракам и потере идентичности одним из брачных партнеров. По данным Л. Н. Жеребцова, получили распространение смешанные браки между коми-ижемцами и ненцами, причем с появлением в ненецкой семье жены-ижемки разговорным языком в семье становился именно зырянский; ненцы усваивали и различные культурно-бытовые традиции, и навыки коми [25, с. 168—169]. Приведенные данные показывают, что в межнациональных браках коми-ижемки ассимилировали ненцев, поскольку те перенимали социально-бытовую уклад коми-ижемцев и вели себя, как коми-ижемцы.

Проведенный анализ супружеских пар по национальной принадлежности супругов показал высокую долю межнациональных супружеских пар. Например, эта доля составляет (%): негидальцы — 93,9, уйльта (ороки) — 83,3, алеуты — 79,3, манси — 79,0, вепсы — 75,2, нивхи — 71,7, эвены (ламуты) — 71,1, селькупы — 68,9. Преимущественно в однонациональном браке состоят (%): тувинцы-тодジンцы —

97,8, теленгиты — 89,3, сойоты — 83,4. Таким образом, линейной или иной зависимости этнической брачности КМНС от их численности и расселения не наблюдается, преобладают межнациональные браки как у многочисленных, так и у малочисленных этносов, что ведет к ассимиляции.

Снижение численности населения характерно для многих российских народов, включая русских, большие этносы КМНС, наоборот, демонстрируют положительную демографическую динамику. Если взять *пять самых крупных этносов*, на которые приходится 157 010 человек (59,8% их общей численности), то с сохранением собственной этничности дела обстоят следующим образом. У ненцев (49 787 человек) доля однонациональных браков составляет 70,0%, у эвенков (39 420) — 36,3%, у хантов (31 600) — 40,4%, у эвенов (19 975) — 29,0%, у чукчей (16 228) — 51,8%. Как видим, только ненцы показывают высокую однородность этнической брачности, что свидетельствует о неизбежной ассимиляции.

В завершение статьи необходимо ответить на вопрос: какое будущее ждет коренные народы? Если спросить об этом КМНС, они ответят, что хотят сохранить свою численность, самобытность, культуру и среду обитания, найти приемлемые условия сосуществования с ресурсными компаниями. В то же время лишь небольшая часть КМНС хочет все сохранить так, как было у их предков, именно они создают конфликты с промышленными компаниями. Также КМНС считают, что необходимо создавать лучшие условия коренному и местному населению, снизить влияние переселенцев. Что касается демографической динамики, то вероятность ассимиляции очень велика.

В целом следует заключить, что будущее Севера и Арктики не представляется возможным без коренных жителей, и необходимо сделать все, чтобы сохранить эти уникальные народы, создать им комфортные условия жизнедеятельности.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00482, <https://rscf.ru/project/25-28-00482/>.

Благодарность

Автор выражает признательность Н. Ю. Журавлеву, Г. Н. Фаузер, А. В. Смирнову и И. А. Панариной за помощь в подготовке рукописи к публикации.

Литература/References

1. Манко Дж. Как заселялась Европа. От первых людей до викингов / Пер. с англ. под ред. Г. В. Бондаренко. — М.: Изд. дом ЯСК, 2019. — 442 с.
Manco J. How Europe Was Settled. From the First People to the Vikings. Translated from English. Ed. by G. V. Bondarenko. Moscow, Publ. House YASK, 2019, 442 p. (In Russian).

2. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. — Архангельск, 2012. — 482 с.
Lukin Yu. F. Russian Arctic in a changing world. Arkhangelsk, 2012, 482 p. (In Russian).
3. Фаузер В. В. и др. Человеческие ресурсы северных регионов России: демография, труд, образование / Отв. ред. В. В. Фаузер. — Саратов: Амирит, 2024. — 320 с. — (Б-ка демографа; вып. 24).
Fauzer V. V. et al. Human resources of the northern regions of Russia: demography, labor, education. Ed. by V. V. Fauzer. Saratov, Amirit, 2024, 320 p. (Demographer's library; iss. 24). (In Russian).
4. Березницкий С. В. Исследования геодезиста П. Н. Скобелыцина в Сибири в XVIII в. (к 280-летию Второй Камчатской экспедиции) // Радловский сборник. — СПб., 2012. — С. 183—192.
Bereznitsky S. V. Research of the surveyor P. N. Skobel'syn in Siberia in the 18th century (for the 280th anniversary of the Second Kamchatka Expedition). Radlovskiy sbornik [Radlovsky collection], St. Petersburg, 2012, pp. 183—192. (In Russian).
5. Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. — Санкт-Петербург; Париж: Изд-во Европ. дома, 1993. — 96 с.
Vakhtin N. B. Indigenous population of the Far North of the Russian Federation. St. Petersburg; Paris, Publ. House of the European House, 1993, 96 p. (In Russian).
6. Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Человечество — это народы. — М.: Мысль, 1990. — 391 с.
Bromley Yu. V., Podolny R. G. Humanity is nations. Moscow, Mysl, 1990, 391 p. (In Russian).
7. Культура Арктики: коллективная монография / Под общ. ред. д-ра социол. наук У. А. Винокуровой. — Якутск: ИД СВФУ, 2014. — 344 с. — (Культура Арктики; вып. 1).
Arctic Culture: collective monograph. Ed. by Doctor of Sociological Sciences U. A. Vinokurova. Yakutsk, NEFU ID, 2014, 344 p. (Arctic Culture; iss. 1). (In Russian).
8. Российская Арктика: современная парадигма развития / Под ред. акад. А. И. Татаркина. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 844 с. — (Сер. «Россия в Арктике: история, современность, перспективы»).
Russian Arctic: modern development paradigm. Ed. by academician A. I. Tatarkin. St. Petersburg, Nestor-History, 2014, 844 p. (Series "Russia in the Arctic: history, modernity, prospects"). (In Russian).
9. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. акад. В. В. Ивантера. — СПб.: Санкт-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого; Изд. дом «Наука», 2016. — 1016 с.
The Arctic space of Russia in the 21st century: development factors, management organization. Ed. by academician V.V. Ivanter. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, "Nauka", 2016, 1016 p. (In Russian).
10. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы / Под общ. ред. Н. К. Харлампьевой. — Архангельск: САФУ, 2017. — 325 с.
Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects. Ed. by N. K. Kharlampyeva. Arkhangelsk, NARFU, 2017, 325 p. (In Russian).
11. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение / Отв. ред. проф. В. В. Фаузер. — М.: Полит. энцикл., 2022. — 215 с.
Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Russian and World Arctic: population, economy, settlement. Ed. by prof. V. V. Fauzer. Moscow, Political Encyclopedia, 2022, 215 p. (In Russian).
12. Смирнов А. В. Демография российской Арктики в цифровую эпоху / Отв. ред. В. В. Фаузер. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023. — 239 с.
Smirnov A. V. Demography of the Russian Arctic in the digital age. Ed. by V. V. Fauzer. Moscow, Ekon-Inform Publ. House, 2023, 239 p. (In Russian).
13. Эткинд А. М. Природа зла. Сырье и государство. — 2-е изд. — М.: Новое лит. обозрение, 2023. — 504 с.
Etkind A. M. The Nature of Evil. Raw Materials and the State. 2nd ed. Moscow, New Literary Review, 2023, 504 p. (In Russian).
14. Логинов В. Г. Социально-экономические аспекты освоения и развития северных районов. — Екатеринбург, 2012. — 450 с.
Loginov V. G. Social and economic aspects of development of northern regions. Ekaterinburg, 2012, 450 p. (In Russian).
15. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. — М.: Новое лит. обозрение, 2019. — 512 с.
Slezkin Yu. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Moscow, New Literary Review, 2019, 512 p. (In Russian).
16. Мурашко О. А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // Арктика: экология и экономика. — 2011. — № 3 (3). — С. 90—105.
Murashko O. A. Indigenous peoples of the Arctic and "peoples of the North": history, traditions, modern problems. Arctic: Ecology and Economy, 2011, no. 3 (3), pp. 90—105. (In Russian).
17. Фаузер В. В. Коренные малочисленные народы Российского Севера в зеркале переписей населения // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета (сетевое издание). — 2024. — Т. 4, вып. 3. — С. 288—305. — DOI: 10.34130/2070-4992-2024-4-3-288.
Fauzer V. V. Indigenous Peoples of the Russian North in the Mirror of Population Censuses. Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo in-

vestirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2024, vol. 4, iss. 3, pp. 288—305. DOI: 10.34130/2070-4992-2024-4-3-288. (In Russian).

18. Тишков В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнограф. обозрение. — 2023. — № 4. — С. 183—211.

Tishkov V. A. On the census of peoples, or deconstruction of population censuses. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], 2023, no. 4, pp. 183—211. (In Russian).

19. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Этнический потенциал формирования человеческих ресурсов российской Арктики // Арктика: экология и экономика. — 2024. — Т. 14, № 2. — С. 286—300. — DOI: 10.25283/2223-4594-2024-2-286-300.

Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Ethnic potential for the formation of human resources in the Russian Arctic. Arctic: Ecology and Economy, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 286—300. DOI: 10.25283/2223-4594-2024-2-286-300. (In Russian).

20. Фаузер В. В. Методические подходы к исследованию коренных народов: российская практика // Экономика: стратегия и практика. — 2024. — Т. 19, № 1. — С. 6—18.

Fauzer V. V. Methodological approaches to the study of indigenous peoples: Russian practice. Ekonomika: strategiya i praktika [Economy: strategy and practice], 2024, vol. 19, no. 1, pp. 6—18. (In Russian).

21. Богоявленский Д. Д. Вымирают ли народы Севера? // Социол. исслед. — 2005. — № 8. — С. 55—61.

Bogoyavlensky D. D. Are the peoples of the North dying out? Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research], 2005, no. 8, pp. 55—61. (In Russian).

22. Логинов В. Г. Региональные особенности социально-экономического развития коренных этосов и традиционных отраслей. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2011. — 217 с.

Loginov V. G. Regional features of socio-economic development of indigenous ethos and traditional industries. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, 217 p. (In Russian).

23. Тураев В. А. Социально-демографические процессы у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1989—2010 гг. // Россия и АТР. — 2019. — № 2. — С. 145—164.

Turaev V. A. Socio-demographic processes among the indigenous peoples of the Far East in 1989—2010. Rossiya i ATR [Russia and the Pacific], 2019, no. 2, pp. 145—164. (In Russian).

24. Степанов В. В. Российский опыт этнической статистики коренных малочисленных народов Севера // Демоскоп Weekly. — 2008. — № 319—320.

Stepanov V. V. The Russian experience of ethnic statistics of the indigenous small-numbered peoples of the North. Demoscope Weekly, 2008, no. 319—320. (In Russian).

25. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в. / Отв. ред. Ю. В. Гагарин. — М.: Наука, 1982. — 224 с.

Zherebtsov L. N. Historical and cultural relationships of the Komi with neighboring peoples. 10th — early 20th century. Ed. by Yu. V. Gagarin. Moscow, Nauka, 1982, 224 p. (In Russian).

Информация об авторе

Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Россия, Республика Коми, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26), e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru; <https://vvfauzer.ru/>.

ETHNICITIES OF THE RUSSIAN NORTH AND ARCTIC: DEMOGRAPHIC RENAISSANCE OR ASSIMILATION

Fauzer, V. V.

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre
Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation)

The article was received on August 25, 2025

For citing

Fauzer V. V. Ethnicities of the Russian North and Arctic: demographic renaissance or assimilation. Arctic: Ecology and Economy, 2026, vol. 16, no. 1, pp. ?—?. DOI: 10.25283/2223-4594-2026-1-?-?. (In Russian).

Abstract

The Russian North and Arctic are the homeland of unique peoples who have managed to find a balance between nature and the environment, create their own unique culture, carry it through the centuries, survive the socio-economic transformations of the 20th century and once again declare themselves. It took 80 years (1926—2006) to form the List of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation so that 40 ethnic groups would receive exclusive rights to use their original habitat and engage in traditional activities. The demographic dynamics of indigenous ethnic groups is ambiguous. Along with purely demographic factors (birth rate, mortality), assimilation has a significant impact on it. It is difficult to preserve one's identity while living in a multinational environment of larger ethnic groups. Unique information is introduced into scientific circulation—the distribution of married couples by nationality of spouses is the main factor of assimilation. According to the 2021 All-Russian Population Statistics, the share of married couples in interethnic marriage (share over 50.0%) is 74.2%. The goal is to assess the level of assimilation and its impact on the dynamics of indigenous ethnicities.

Keywords: *the North and the Arctic, indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, population dynamics, assimilation, interethnic marriage.*

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation grant, project no. 25-28-00482, <https://rscf.ru/project/25-28-00482/>.

Acknowledgements

The authors express their gratitude to N. Yu. Zhuravlev, G. N. Fauzer, A. V. Smirnov and I. A. Panarina for their assistance in preparing the manuscript for publication.

Information about the author

Fauzer, Viktor Vilgelmovich, Doctor of Economy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the RAS (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982), e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru>.

© Fauzer V. V., 2026